

кольников, который выдерживает долгую паузу, пока сцена не достигает своей кульминации, а затем спасительной мелодраматической развязки, и выжидает не только для того, чтобы в конце концов эффектно выступить «деятельным и бодрым адвокатом Сони» (а если бы не Лебезятников?), но и для того, чтобы воспользоваться этой ситуацией в своих интересах. «Ну-тка, Софья Семеновна, посмотрим, что вы станете теперь говорить!» (6, 311), — думает он, устремляясь за ней, в надежде загнать ее, потрясенную случившимся, в тупик, поставив перед необходимостью выбора: кому «жить на свете» — подлецу Лужину или Катерине Ивановне с детьми, а тем самым предрасположить к пониманию своей исповеди, облегчить себе признание. Примечательная проговорка появится позже: «сцену у Сони» он «вел», и, хотя «кончил он ее совсем, совсем не так, как бы мог воображать себе прежде» (6, 341), сценарный расчет, режиссерское усилие налицо. В сущности, Раскольников, осуждавший семейство Мармеладовых за то, что *пользуются* Соней (6, 25), делает то же самое. Он ведь потому и выбрал ее, потому и загнал в тупик, разъясняя ей гибельность ее положения и бессмысленность жертвы, что только такая, доведенная до крайней степени унижения и отчаяния, она могла если не понять его, то посочувствовать ему и пойти за ним. Он не столько ужасается ее образу жизни, сколько пользуется им в своих аргументах. Он по-своему утилитарист не меньше Лужина, но значительно более изощренный. Следует заметить, что и теория Раскольникова, в отличие от базаровского нигилизма, *во всех своих пунктах и вариантах* предусматривает *выгоду лично для него*. Вот как сокрушается он уже на каторге по поводу наказания: «...в будущем одна непрерывная жертва, которою ничего не приобреталось...» (6, 417). В этой жажде оправданности, осмысленности, телеологичности собственной судьбы — корысть более высокого порядка, чем та, которую демонстрирует Лужин.

«Ведь он никого не любит; может, и никогда не полюбит» (6, 166) — в этих словах Разумихина есть глубокая правда, которую подтверждает мать, рассказывая историю несостоявшейся женитьбы Раскольникова: «Вы думаете, его бы остановили тогда мои слезы, мои просьбы, моя болезнь, моя смерть, может быть, с тоски, наша нищета? Преспокойно перешагнул бы через все препятствия» (там же). Вряд ли и этот несостоявшийся брак можно зачислить по ведомству благородства или любви — это был *весенний бред*, это такая же отрешенность, такая же странность и нелепость, как убийство. Нравственная сомнамбуличность Раскольникова распространяется на все, что он делает, экспериментируя над собой и другими. Может детей из пожара спасти, может убить. Целомудрен, но при других обстоятельствах в разврат окунулся бы так же, как в кровь. «Материал, по крайней мере, заключаете в себе огромный» (6, 371) — догадывается на этот счет Свидригайлов.

Он сам многое в себе объясняет своим отношением к матери и сестре: «Заочно, кажется, так ведь любил их» (6, 175). И далее: «Точно из-за тысячи верст на вас смотрю» (6, 178). Дело не только в том, что он убийством как ножницами себя от всех отрезал, он вообще — *заочник*. Только *заочно*, не глядя, не чувствуя, никого по-настоящему не любя и никем до боли сердечной не дорожа, можно было измыслить и совершить такое сугубо теоретическое, *догматическое* преступление.

«...Невольно чувствуется, — пишет Н. Страхов, размышляя о Раскольникове, — что Базаров никаким образом не совершил бы *так* и *такого* дела».³³ Абсолютно очевидна несовместимость Базарова с тем вариантом нигилизма, который являет собою Раскольников. Базаров живет и действует

³³ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 111.